

Texts & Translations

(Texts and translations have been supplied to Vocal Arts DC by the artist's management, and have not been edited or altered in any way.)

Chansons de Don Quichotte

Don Quixote Songs

JACQUES IBERT (1890–1962)

Translations © Christopher Goldsack

“Chanson du départ de Don Quichotte”

Poem by PIERRE DE RONSARD
(1524–1585)

*Ce château neuf, ce nouvel édifice
Tout enrichi de marbre et de porphyre
Qu'amour bâtit château de son empire
où tout le ciel a mis son artifice,
Est un rempart, un fort contre le vice,
Où la vertueuse maîtresse se retire,
Que l'oeil regarde et que l'esprit admire
Forçant les coeurs à lui faire service.*

*C'est un château, fait de telle sorte
Que nul ne peut approcher de la porte
Si des grands rois il n'a sauvé sa race*

*Victorieux, vaillant et amoureux.
Nul chevalier tant soit aventureux
Sans être tel ne peut gagner la place.*

“Song of the Departure”

This new castle, this new edifice
all adorned with marble and porphyry,
this castle, built by love from its empire,
upon which all of heaven has used its skill,
is a rampart, a fortress against evil
where the virtuous mistress retires,
that the eye observes and the spirit admires,
bringing hearts to servitude.

It is a castle, built in such a way
that none can approach the portal
if he has not saved his lineage from the
great Kings,
victorious, brave and amorous.
No knight, however adventurous he may be,
without being such, can enter the place.

Texts & Translations

“Chanson à Dulcinée”

Poem by ALEXANDRE ARNOUX
(1884–1973)

*Un an me dure la journée
Si je ne vois ma Dulcinée.*

*Mais, Amour a peint son visage,
Afin d'adoucir ma langueur,
Dans la fontaine et le nuage,
Dans chaque aurore et chaque fleur.*

*Un an me dure la journée
Si je ne vois ma Dulcinée.*

*Toujours proche et toujours lointaine,
Étoile de mes longs chemins.
Le vent m'apporte son haleine
Quand il passe sur les jasmins.*

“Song of the Duke”

Poem by ALEXANDRE ARNOUX
(1884–1973)

*Je veux chanter ici la Dame de mes songes
Qui m'exalte au dessus de ce siècle de boue
Son cœur de diamant est vierge de
mensonges
La rose s'obscurcit au regard de sa joue*

*Pour Elle, j'ai tenté les hautes aventures
Mon bras a délivré la princesse en servage*

*J'ai vaincu l'Enchanteur, confondu les
parjures
Et ployé l'univers à lui rendre hommage.*

*Dame par qui je vais, seul dessus cette terre,
Qui ne soit prisonnier de la fausse apparence
Je soutiens contre tout Chevalier téméraire
Votre éclat non pareil et votre précellence.*

“Song for Dulcinea”

A day lasts a whole year
if I do not see my Dulcinea.

But, so as to sweeten my languor,
Love has painted her face,
in the fountain and the sky,
in each dawn and each flower.

A day lasts a whole year
if I do not see my Dulcinea.

Ever close and ever far,
star of my long paths.
The wind carries her breath to me
when it blows across the jasmine.

“Song of the Duke”

I want to sing here of the Lady of my dreams,
who raises me above this century of mud.
Her heart of diamond is untarnished by
lies.
The rose pales at the sight of her cheek.

For Her, I have attempted lofty adventures.
My arm has delivered the princess in
servitude.

I have conquered the Enchanter,
confounded the perjures
and bent the universe to offer her homage.

Lady for whom I, who alone is not a prisoner
of the false appearance, go over this earth,
I proclaim, against any rash Knight,
your unequalled splendour and your
excellence.

Texts & Translations

“Chanson de la mort de Don Quichotte”

Poem by ALEXANDRE ARNOUX
(1884–1973)

*Ne pleure pas Sancho, ne pleure pas, mon
bon.*

Ton maître n'est pas mort.

Il n'est pas loin de toi.

Il vit dans une île heureuse

Où tout est pur et sans mensonges.

*Dans l'île enfin trouvée où tu viendras un
jour.*

Dans l'île désirée, O mon ami Sancho!

*Les livres sont brûlés et font un tas de
cendres.*

Si tous les livres m'ont tué

Il suffit d'un pour que je vie

Fantôme dans la vie, et réel dans la mort.

*Tel est l'étrange sort du pauvre Don
Quichotte*

“Song of death”

Do not cry Sancho, do not cry, good
friend.

Your master is not dead.

He is not far from you.

He lives on a happy isle
where all is pure and free of lies.

On the isle at last discovered where you
will come one day.

On the desired isle, o my good friend
Sancho!

The books are burned and make a heap of
ash.

If all the books have killed me
just one is enough for me to live on,

a ghost in life and real in death.

Such is the strange destiny of poor Don
Quixote.

“Les Berceaux,” op. 23, no. 1

GABRIEL FAURÉ (1945–1924)

Poem by RENÉ-FRANÇOIS SULLY-PRUDHOMME (1839–1907)

“Les berceaux”

*Le long du Quai, les grands vaisseaux,
Que la houle incline en silence,
Ne prennent pas garde aux berceaux,
Que la main des femmes balance.*

*Mais viendra le jour des adieux,
Car il faut que les femmes pleurent,
Et que les hommes curieux
Tentent les horizons qui leurrent!*

*Et ce jour-là les grands vaisseaux,
Fuyant le port qui diminue,
Sentent leur masse retenue
Par l'âme des lointains berceaux.*

“The cradles”

Along the quay the great vessels
which the swell sways in silence
take no notice of the cradles
which the hands of the women rock.

But the day of farewells will come;
for women must to weep,
and curious men must
strive for the alluring horizons!

And on that, day the great vessels,
fleeing from the diminishing port
feel their bulk held back
by the soul of the distant cradles.

Translation © Christopher Goldsack

Texts & Translations

“Fleur jetée,” op. 39 no. 2
GABRIEL FAURÉ (1945–1924)
Poem by ARMAND SILVESTRE (1837–1901)

“Fleur jetée”

*Emporte ma folie
Au gré du vent,
Fleur en chantant cueillie
Et jetée en rêvant,
– Emporte ma folie
Au gré du vent:*

*Comme la fleur fauchée
Périt l’amour:
La main qui t’a touchée
Fuit ma main sans retour.
– Comme la fleur fauchée
Périt l’amour.*

*Que le vent qui te sèche
O pauvre fleur,
Tout à l’heure si fraîche
Et demain sans couleur,
– Que le vent qui te sèche,
Sèche mon coeur!*

Don Quichotte à Dulcinée

Don Quixote to Dulcinea

MAURICE RAVEL (1875–1937)
Poems by PAUL MORAND (1888–1976)
Translations © Christopher Goldsack

“Chanson romanesque”

*Si vous me disiez que la Terre
A tant tourner vous offensa,
Je lui dépêcherais Pança:
Vous la verriez fixe et se taire.*

*Si vous me disiez que l’ennui
Vous vient du ciel trop fleuri d’astres,*

*Déchirant les divins cadastres,
Je faucherais d’un coup la nuit.*

*Si vous me disiez que l’espace
Ainsi vidé ne vous plaît point,
Chevalier Dieu, la lance au poing,
J’ étoilerais le vent qui passe.*

“Discarded flower”

Carry my folly away
at the will of the wind,
flower plucked in a song
and discarded in a dream.
_ Carry my folly away
at the will of the wind!

Like the flower cut down
love perishes.
The hand which touched you
flees my hand forever.
_ Like the flower cut down
love perishes!

May the wind which dries you,
o poor flower,
just now so fresh
and tomorrow without colour!
_ May the wind which dries you,
dry my heart!

Translation © Christopher Goldsack

“Romanesque song”

Were you to tell me that the earth,
turning so much, offended you,
I would hurry Panza to her:
you would see her motionless and fall silent.

Were you to tell me that boredom
comes to you from heaven, adorned with
too many stars,
tearing apart the divine decrees,
with one blow I would fell the night.

Were you to tell me that space
thus emptied pleases you not
knight of God, lance in hand,
I would scatter stars in the passing wind.

Texts & Translations

*Mais si vous disiez que mon sang
Est plus à moi qu'à vous ma Dame,
Je blémirais dessous le blâme
Et je mourrais vous bénissant.*

Ô *Dulcinée*...

“Chanson épique”

*Bon Saint Michel qui me donnez loisir
De voir ma Dame et de l'entendre,
Bon Saint Michel qui me daignez choisir
Pour lui complaire et la défendre,*

*Bon Saint Michel veuillez descendre
Avec Saint Georges sur l'autel
De la Madone au bleu mantel.*

*D'un rayon du ciel bénissez ma lame
Et son égale en pureté
Et son égale en piété
Comme en pudeur et chasteté:
Ma Dame.*

*Ô grands Saint Georges et Saint Michel,
L'ange qui veille sur ma veille,
Ma douce Dame si pareille
A Vous, Madone au bleu mantel!*

Amen.

“Chanson à boire”

*Foin du bâtard, illustre Dame,
Qui pour me perdre à vos doux yeux
Dit que l'amour et le vin vieux
Mettent en deuil mon cœur, mon âme !*

*Je bois à la joie !
La joie est le seul but
Où je vais droit...
Lorsque j'ai bu !
A la joie, à la joie !
Je bois à la joie !*

Foin du jaloux, brune maîtresse,

*Qui geint, qui pleure et fait serment
D'être toujours ce pâle amant
Qui met de l'eau dans son ivresse!*

But were you to tell me that my blood
is more mine than yours, my Lady,
I would grow pale under the reproach
And I would die, still blessing you.

O *Dulcinea*.

“Epic song”

Good Saint Michael who give me liberty
to see my Lady and to hear her,
good Saint Michael who deign to choose me
to please and defend her,

good Saint Michael I beg you to come down
with Saint George to the altar
of the Madonna with the blue mantle.

With a ray from heaven bless my blade
and its equal in purity
and its equal in piety
as in modesty and chastity:
My Lady.

O great Saint George and Saint Michael
the angel who watches over my vigil,
my sweet Lady so like
you, Madonna with the blue mantle!

Amen.

“Drinking song”

Away with the bastard, illustrious Lady,
who, to disfavour me in your sweet eyes,
says that love and old wine
place my heart, my soul in mourning!

I drink to happiness!
Happiness is the only goal
to which I go straight
once I have drunk!

Away, dark-haired mistress, with the
jealous man
who moans, who weeps and preaches
to be forever that pale lover
who waters down his intoxication!

Texts & Translations

St. Petersburg: "The Bride"

GEORGY VASILYEVICH SVIRIDOV (1915–1998)

Poem by ALEKSANDR ALEKSANDROVICH BLOK (1880–1921)

Петербург: "Невеста"

Божья мать Утоли моя печали
Перед гробом шла, светла, тиха.
А за гробом - в траурной вуали
Шла невеста, провожая жениха...

Был он только литератор модный,
Только слов кощунственных творец...
Но мертвец - родной душе народной:
Всякий свято чтит она конец.

И навстречу кланялись, крестили
Многодумный, многотрудный лоб.
А друзья и близкие пылили
На икону, на нее, на гроб...

И с какою бесконечной грустью
(Не о нем - бог весть о ком?)
Приняла она слова сочувствий
И венки случайный за венком...

Этих фраз избитых повторенья,
Никому не нужные слова -
Возвела она в венец творенья,
В тайную улыбку божества...

Словно здесь, где пели и кадили,
Где и грусть не может быть тиха,
Убралась она фатой от пыли
И ждала Иного Жениха...

St. Petersburg: "The Bride"

The icon of Our Lady of Sorrows
Was borne in front of the coffin, radiant
and quiet.
And behind the coffin, in mourning veil,
Walked the young bride, bidding farewell
to the groom...

He had been nothing but a modish man of
letters,
A creator of sacrilegious words...
But now he was dead, he was dear to the
soul of the people:
For the people sacredly revere the death of
any man.

Oncomers bowed their heads,
Crossing their pensive, toilsome brows.
And his friends and dear ones
Scattered dust on the icon, on her, on the
coffin...

And with what infinite sadness
(Not for him – who knows for whom?)
Did she accept their words of sympathy,
And every casually proffered wreath.

These repeated, hackneyed phrases,
These words which nobody needs –
She has elevated them into the summit of
creation,
Into a divine and mysterious smile...

As if here, where people sang and offered
incense,
Where even sorrow cannot be silent,
She clad herself in a wedding veil against
the dust,
And awaited a bridegroom from another
world...

Translation © Philip Ross Bullock

Texts & Translations

St. Petersburg: “The Virgin in the City”

GEORGY VASILYEVICH SVIRIDOV (1915–1998)

Poem by ALEKSANDR ALEKSANDROVICH BLOK (1880–1921)

Петербург: “Богоматерь в городе”

Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы,
И во мраке над собором
Золотятся купола.

Как лицо твое похоже
На вечерних богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во мгле...

Но с тобой идет кудрявый
Кроткий мальчик в белой шапке,
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.

Я стою в тени портала,
Там, где дует резкий ветер,
Застилающий слезами
Напряженные глаза.

Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть: “Богоматерь!
Для чего в мой черный город
Ты Младенца привела?”

Но язык бессилен крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Над священными следами
Почивает синий мрак.

И смотрю я, вспоминая,
Как опущены ресницы,
Как твой мальчик в белой шапке
Улыбнулся на тебя.

St. Petersburg: “The Virgin in the City”

You pass by without a smile,
Your eyelashes cast down,
And in the darkness above the cathedral
Radiantly shine the golden domes.

How your face resembles
Those eventide Virgins
With downcast eyelashes,
Who vanish into the darkness...

But a curly-haired boy walks with you,
Meek and dressed in a white cap,
You lead him by the hand,
You do not let him fall.

I stand in the shadow of the doorway,
Where a sharp wind blows,
Clouding my strained eyes
With tears.

I would like to step forward suddenly
And cry out: ‘Mother of God!
Why have You brought
This Infant to my black city?’

But my tongue is powerless to shout out.
You pass by. Behind you,
Above your sacred footprints,
The blue darkness slumbers.

And I gaze, remembering
Your downcast eyelashes,
And the little boy in his white cap,
Smiling at you.

Translation © Philip Ross Bullock

Texts & Translations

Russia Cast Adrift: "O my homeland, joyful and eternal hour"

GEORGY VASILYEVICH SVIRIDOV (1915–1998)

Poem by SERGEI ALEKSANDROVICH YESENIN (1895–1925)

отчалившая Русь: "О Родина, счастливый и неисходный час"

О Родина, счастливый
И неисходный час!
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.

Тебе, твоим туманам
И овцам на полях,
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках.

Святись преполовением
И рождеством святись,
Чтоб жаждающие бдения
Бессмертьем напильсь.

И не единый камень,
Через пращу и лук,
Не подойдет над нами
Подъятые божьих рук.

Russia Cast Adrift: "O my homeland, joyful and eternal hour"

Oh my homeland,
Joyful and eternal hour!
There is nothing finer nor more beautiful
Than your cowlike eyes.

To you, to your mists
And fields of sheep, I bear,
Like a sheaf of oats,
The sun in my arms.

May you be sanctified by Whitsuntide
And sanctified by Christmas,
And let the vigils that thirst
Drink their fill of immortality.

And not a single stone,
Whether from sling or bow,
Will strike God's arms,
Stretched out above us.

Translation © Philip Ross Bullock

Intermission

"In the silence of the secret night," op. 4, no. 3

SERGEI RACHMANINOV (1873–1943)

Poem by AFANASY AFANASYEVICH FET (1820–1892)

"в молчаньи ночи тайной"

О, долго буду я, в молчаньи ночи
тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор
случайный,
Перстам послушную волос волос твоих
густую прядь,
Из мыслей изгонять, и снова
призывать;
Дыша порывисто, один, никем не
зримый,
Досады и стыда румянами палимый,

"In the silence of the secret night"

Oh, long will I, in the silence of the
mysterious night,
Chase from my thoughts and then call up
again
Your artful chatter, your smile, your casual
glance,
The thick tresses of your hair, so pliant in
my fingers;
Breathing fitfully, alone, unseen by
anybody else,
Burning with the glow of vexation and of
shame,

Texts & Translations

Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые
выраженья
Речей моих с тобой, исполненных
смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

I shall seek out the slightest hint of mystery
In the words you uttered;
I shall whisper and improve upon the past
expressions
Of things I once said to you, things full of
bashfulness,
And intoxicated, against all reason,
I shall wake night's darkness with your
cherished name.

Translation © Philip Ross Bullock

“When yesterday we met,” op. 26, no. 13

SERGEI RACHMANINOV (1873–1943)

Poem by AFANASY AFANASYEVICH FET (1820–1892)

“Вчера мы встретились”

Вчера мы встретились: – она
остановилась –
Я также – мы в глаза друг другу
посмотрели.
О Боже, как она с тех пор
переменилась,
В глазах потух огонь, и щёки
побледнели.
И долго на неё глядел я молча строго –

Мне руку протянув, бедняжка
улыбнулась;
Я говорить хотел – она же ради Бога
Велела мне молчать, и тут же
отвернулась,
И брови сдвинула, и выдернула руку,
И молвила: «Прощайте, до свиданья.»
А я хотел сказать: «На вечную разлуку
Прощай, погибшее, но милое создание.»

“When yesterday we met”

Yesterday we chanced to meet: – she
stopped,
And so did I – we looked into each other's
eyes.
Oh heavens, how much she had changed
since last we met,
Her eyes had lost their brightness, her
cheeks were pale.
And for a long time I gazed at her in stern
silence –
Offering me her hand, the poor creature
smiled;
I was about to speak, but for Heaven's sake
She bad me hold my tongue and turned
away forthwith,
With furrowed brow she withdrew her hand
And spoke: 'Farewell, goodbye!'
And I wanted to say: 'Farewell, we part
forever,
Dear, but ruined creature.'

Texts & Translations

“Did you hiccough, Natasha?”

SERGEI RACHMANINOV (1873–1943)

Poem by PYOTR ANDREYEVICH VYAZEMSKY (1792–1878)

“Икалось ли тебе, Наташа”

Икалось ли тебе, Наташа,
Когда шампанское я пил
Различных вкусов, свойств и видов,
Разлучных возрастов и сил

Когда в воронежских подвалах
Я жадно поминал тебя,
Любя Наташу, поэтессу
Да и шампанское любя

Здесь бьёт кастальский ключ,
Питая небаснословною струёй;
Поэзия здесь вещь ручная;
Пять франков дай и пей, и пой

“Did you hiccough, Natasha?”

Was that you hiccupping, Natasha,
As I was drinking champagne,
Champagne of various tastes and traits
and types,
Of various vintages and strengths?

When in the cellars of Voronezh
I thought about you so fervently,
In love with you, Natasha, my poetess,
And in love with champagne too?

Here flows a Castalian spring,
But not one that inspires like that fabled
stream;
Here poetry is craft, not art;
If you pay five francs, you can drink and sing!

Translation © Philip Ross Bullock

“Amid the din of the ball,” op. 38, no. 3

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840–1893)

Poem by COUNT ALEKSEI KONSTANTINOVICH TOLSTOY (1817–1875)

“Средь шумного бала”

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдалённой свирели,
Как моря [играющий] 1 вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный, и звонкий,
С тех пор в моём сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь;
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь,

“Amidst the din of the ball”

Amidst the din of the ball, by chance,
In the commotion of worldly vanity,
I glimpsed you, but mystery
Covered your features.

Only your eyes looked sad,
But the divine sound of your voice
Was like that of far-off pipes,
Or the dancing waves of the sea.

I fell for your delicate form,
And all of your pensiveness,
And your laughter, both sad and sonorous,
Still rings in my heart.

In the lonely hours of night,
I love to lie down, tired;
I see your sad eyes,
I hear your joyful words.

Texts & Translations

И грустно я, грустно так засыпаю,
И в грёзах неведомых сплю...
Люблю ли тебя, я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

And wistful, so wistfully falling asleep,
I drift into mysterious dreams...
I don't know whether I love you,
But I think I probably do!

Translation © Philip Ross Bullock

"If in a single word"

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840–1893)

Poem by HEINRICH HEINE (1797–1856)

in a translation by LEV ALEKSANDROVICH MEY (1822–1862)

Хотел бы в единое слово

Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль,
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унёс его вдаль.

И пусть-бы то слово печали
По ветру к тебе донеслось,
И пусть-бы всегда и повсюду
Оно тебе в сердце лилось.

И если б усталые очи
Сомкнулись под грезой ночной,
О, пусть-бы то слово печали
Звучало во сне над тобой!

"If in a single word"

Would that I could pour into a single word
All my sorrow and sadness,
And throw that word to the wind,
Which might carry it far away.

And would that that word of sadness
Could be borne to you on the wind,
And would that always and everywhere
It would flow into your heart.

And if your tired eyes
Should close in nocturnal reverie,
Then this word of sadness
Would sound over you in your dreams.

Translation © Philip Ross Bullock

"The Nightingale," op. 60, no. 4

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840–1893)

Poem by ALEKSANDR SERGEYEVICH PUSHKIN (1799–1837)

based on a text by VUK STEFANOVIĆ KARADŽIĆ (1787–1864)

Соловей

Соловей мой, соловейко!
Птица малая, лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота –
Рано молодца женили;
А вторая-то забота –
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота –

"The Nightingale"

Oh nightingale, my little nightingale!
Little bird, oh woodland bird!
Do you not have, oh little bird,
Three unchanging songs,
Do I not have, brave young lad,
Three great cares!
The first is this –
I was married off too young;
The second –
My raven steed has grown weary;
And the third of them –

Texts & Translations

Красну-девицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мне могилу
Во поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки:
Пройдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.

My fair maid and I
Have been separated by evil folk.
Dig me a grave for me
In the field, in the wide field,
At my head, plant
Scarlet flower, those little flowers,
And at my feet let
Pure spring water flow.
If fair maidens should pass by,
Have them weave garlands for themselves;
If old folk should pass by,
Have them take a drink of water.

Translation © Philip Ross Bullock

“My Genius, My Angel, My Friend”

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840–1893)

Poem by AFANASY AFANAS'YEVICH FET (1820–1892)

Мой гений, мой ангел, мой друг

Не здесь ли ты лёгкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?

И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий крачуеть недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг!

“My Genius, My Angel, My Friend”

Are you not here, like some gentle shade,
My genius, my angel, my friend,
Are you not talking to me quietly,
And quietly circling around?

You bestow wary inspiration,
And heal my sweet ailment,
You tender a quiet dream,
My genius, my angel, my friend!

Translation © Philip Ross Bullock

“I bless you, woods,” op. 47, no. 5

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840–1893)

Poem by COUNT ALEKSEI KONSTANTINOVICH TOLSTOY (1817–1875)

“Благословляю вас, леса”

Благословляю вас, леса, долины, нивы,
горы, воды,
Благословляю я свободу и голубые
небеса!

И посох мой благословляю, и эту
бедную суму,
И степь от края и до [краю]1,
и солнца свет, и ночи тьму,

“I bless you, woods”

I bless you, woods, valleys, cornfields,
mountains, waters,
I bless freedom and the blue skies!

And I bless my staff, and this poor
knapsack,
And the steppe that reaches in all directions,
And the sun's light and the night's darkness,

Texts & Translations

И одинокую тропинку, по коей, нищий,
я иду,
И в поле каждую былинку,
и в небе каждую звезду!

О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить,
О, если б мог в мои объятия
я вас, враги, друзья, и братья,
И всю природу в мои объятия заключить!

And the solitary path along which I, a
pauper, walk,
And each blade of grass in the field,
And each star in the sky!

Oh, if only I could merge all of life,
All of my soul with you,
Oh, if only I could hold you all,
My enemies, friends and brothers,
And all of nature in my embraces!

Translation © Philip Ross Bullock

“Not a word, O my friend,” op. 6, no. 2
PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840–1893)
ALEKSEY NIKOLAYEVICH PLESHCHEYEV (1825–1893)
based on a poem by MORITZ HARTMANN (1821–1872)

Ни слова, о друг мой, ни вздоха

Ни слова, о друг мой, ни вздоха...
Мы будем с тобой молчаливы...
Ведь молча над камнем могильным
Склоняются грустные ивы...

И только, склонившись, читают,
Как я в твоём сердце усталом,
Что были дни ясного счастья...
Что этого счастья — не стало!

“Not a word, O my friend”

Not a word, oh my friend, not a sigh...
We shall be silent together...
Just as the sad willows bend
Over the gravestone...

And as they bend low, they read,
Just as I read in your tired gaze,
That you once knew days of radiant
happiness...
And that that happiness exists no longer!

Translation © Philip Ross Bullock

“Again, as before, I am alone,” op. 73, no. 6
PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840–1893)
Poem by DANIIL MAXIMOVICH RATGAUZ (1867–1937)

“Снова, как прежде, один”

Снова, как прежде, один,
Снова объят я тоской
Смотрится тополь в окно,
Весь озарённый луной

Смотрится тополь в окно
Шепчут о чем то листья
В звездах горят небеса
Где теперь, милая, ты?

“Again, as before, I am alone”

Again, as before, I am alone,
Melancholy once again holds me in its
embrace.
Through the window I can see a poplar
Standing in the light of the moon.

Through the window I can see the poplar,
Its leaves whisper about something,
The sky is aflame, full of stars,
Why are you now, my beloved?

Texts & Translations

Всё, что творится со мной,
Я передать не берусь.
Друг! помолись за меня,
Я за тебя уж молюсь!

I cannot begin to convey
All that is happening to me.
My friend! Pray for me,
As I already pray for you!

Translation © Philip Ross Bullock

“Reconciliation,” op. 25, no. 1

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY (1840–1893)

Poem by NIKOLAY FYODOROVICH SHCHERBINA (1821–1869)

“Примиреньё”

О, засни, моё сердце, глубоко!
Не буди: – не пробудишь, что было,
Не зови, что умчалось далёко,
Не люби, что ты прежде любило...
Пусть надеждой и лживой мечтой
Не смутится твой сон и покой!

Для тебя невозвратно былое,
На грядущее нет упованья...
Ты не знало в блаженстве покоя,
Успокойся ж на ложе страданья,
И старайся не помнить зимой,
Как срывало ты розы весной!

“Reconciliation”

Oh sleep, my heart, sleep deeply!
Do not try to wake the past,
Do not summon what has fled far away,
Do not love what you once loved...
Let not hope and vain dreams
Trouble your sleep and rest!

You cannot bring back the past,
And the future holds no consolation...
Bliss offered you no restfulness,
So take solace on the couch of suffering,
And try not to recall in winter,
How you gathered roses in spring!

Translation © Philip Ross Bullock

